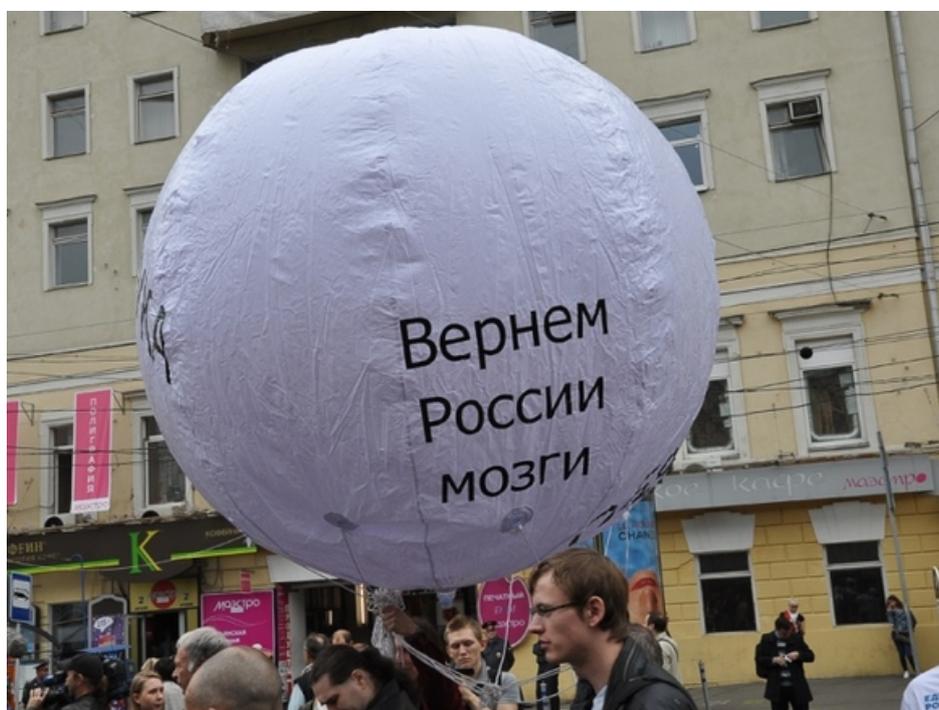


Российская наука на 90% – дутый пузырь

Помимо откровенного плагиата, есть диссертации, переписанные своими словами, или просто слабые, которые на научную степень явно не тянут.



Новые требования Высшей аттестационной комиссии к кандидатским и докторским диссертациям должны были отсеять плагиаторов и «троечников» из российской науки, и поставить крест на диссертационных «фабриках», которые штампуют ученые степени, как пирожки. Получилось ли, обсудили участники дискуссии в Сахаровском центре.

По словам сотрудника Центра институционального анализа науки и образования (ЦИАНО) Европейского университета в Санкт-Петербурге Александры Макеевой, с 2013 по 2016 годы количество диссертаций упало

второе. Причем сокращение коснулось не только тех дисциплин, по которым «Диссернет» чаще всего «позорит» недобросовестных соискателей.

Показатели упали равномерно по всем специальностям.

При этом число защит в «хороших» вузах, к которым в ЦИАНО относят институты РАН и университеты «5-100», не выросло — всего 1% за три года. И на качестве работ усилия ВАК, увы, не сказались, отмечают исследователи.

Они прогоняли случайную выборку в 2500 докторских диссертаций через специально разработанный для проекта скрипт «Антиплагиата», исключая все ранее выпущенные работы, принадлежащие тому же автору, и все работы, выпущенные после года защиты. После этого тысячу диссертаций исследователи проверили вручную, выявив погрешность программы — 5%.

После этого в ЦИАНО получили следующие цифры: чаще всего в докторских диссертациях встречается 10% «некорректных заимствований». Есть работы, где «скопировано» больше половины. Но таких не слишком много.

Некорректные заимствования в разных объемах встречаются и в институтах РАН, и в университетах «5-100».

«То есть, количество диссертационных советов упало по всем специальностям. Количество защит тоже. При этом число некорректных заимствований осталось прежним. Так или иначе они присутствуют в большинстве диссертаций. Ни по специальностям, ни по институциям, ни по годам значимых различий нет», — резюмирует сотрудник центра.

Что означают эти 10%, так ли важна эта цифра, рассказал сооснователь Вольного сетевого сообщества «Диссернет», ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации им. Харкевича РАН Андрей Ростовцев. «Юристы часто цитируют законы. Понятно, что эти законы могли упоминаться в каких-то исследованиях. Вы считаете это некорректным заимствованием, а они — нет. В технических специальностях есть одна установка, на которой проводится эксперимент. Она была описана в других диссертациях, и часто это описание совпадает. Это действительно занимает часть первой главы, и может составлять 5-10% текста. В химии вообще распространено представление о том, что две-три кандидатские — это одна

докторская. Часто в докторские диссертации вставляют целые главы из диссертаций кандидатов. Поэтому химия — чуть ли не лидер по количеству заимствований», — отметил Ростовцев.

«В естественных науках есть раздел — методы. Их не только не пишут каждый раз заново. Есть стандартный протокол, от которого нельзя отступать. Вот это и дает те самые 5-10%. То есть, мы обсуждаем ту область, на которую смотреть вообще не надо», — считает биолог, руководитель магистерской программы «Биотехнологии» Сколтеха, сооснователь «Диссернета», замглавного редактора газеты «Троицкий вариант» Михаил Гельфанд.

По мнению Ростовцева, настоящая проблема кроется в другом. «Мы в «Диссернете» в последнее время стали наблюдать «стерильные» диссертации, когда проверка на совпадение не дает ничего ни на одной странице, даже там, где есть заковыченные цитаты. Когда мы начали разбираться, то выяснили — это просто переписанная другими словами чужая работа. Таких диссертаций везде много: от Кавказа до Москвы — 30-70%», — заметил эксперт.

Тот факт, что работы переписываются, подтверждают и члены диссертационных советов. И хотя «Антиплагиат», по словам Макеевой, тоже движется в эту сторону, и пытается детектить переписанное своими словами, вопрос с рерайтом остается открытым.

Есть и еще одна разновидность научного воровства — плагиат идей, отметила председатель совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей Анна Кулешова. Вот только на «Антиплагиате» этого не проверить. «У нас стало много мусорных работ и статей, в которых при этом нет плагиата», — добавила она.

По словам Ростовцева, в воздухе витает непонимание масштабов проблемы. «Какие-то сферы поражены на 90%, а некоторые — почти на 100%. Масштаб проблемы именно такой: 90% науки — дутый пузырь», — высказал он мнение.

Очень часто писать псевдонаучные диссертации людей толкает система, считает Кулешова. «Чтобы выжить на зарплату в 25 тысяч рублей при том, что это единственный социологический факультет в городе, и уйти решительно некуда, ты идешь на какие-то компромиссы с совестью, чтобы просто не вылететь с работы. Ты пишешь ненужные статьи, делаешь ненужную работу», — объясняет эксперт.

В историях с липовыми диссертациями часто фигурируют чиновники; они очень любят иметь ученые степени, и при этом редко могут получить их каким-то добросовестным образом, считает эксперт «Диссернета» Иван Бабицкий.

«В ВАК есть механизм контроля сверху, который включается в таких случаях, как с министром культуры. В чем это выражается? В президиуме комиссии, где в конечном счете рассматривается любая диссертация, поддерживается послушное большинство, которое голосует так, как скажет руководство. Перед обсуждением диссертации министра культуры, если вы помните, несколько человек вывели из состава ВАК за три дня до заседания. И понятно, что это были независимые члены комиссии», — выразил мнение эксперт.

Но одной политикой дело не ограничивается. Пока к ученым степеням будет привязано множество государственных «плюшек», они всегда будут оставаться предметом торга.

«Представители диссертационного бизнеса рвутся в ВАК и в состав экспертных советов. Конечно, это не те случаи, когда мы можем что-то доказать: платил ли кто-то кому-то, и кто — кому, или это делалось как услуга за услугу. Мы просто говорим о крайне подозрительных корреляциях. Например, известно, что в конкретном диссовете часто защищаются работы, которые, с нашей точки зрения, содержат массовые некорректные заимствования. Мы думаем, что это не случайно, и в том или ином смысле происходит не бескорыстно, но это все, что мы можем предположить. Когда мы отслеживаем такие фабрики или «диссероделов», которые участвуют в защитах в качестве научных руководителей, то видим, что они очень любят попадать в ВАК и экспертные советы. Происходит то, что мы неформально называем «крышеванием», — отметил Бабицкий.

По его мнению, даже после рассмотрения заявления «Диссернета» в ВАК, научная степень может быть сохранена плагиатору любой степени бесстыдства, даже если в своей работе он просто заменил Бурятию на Калмыкию.

За пять лет число диссоветов в России удалось сократить в полтора раза. Только с апреля 2017 по январь 2018 года прекратили существовать ровно сто из них. Однако так называемых «фабрик», в которых «Диссернет» обнаружил пять или больше липовых защит, среди закрытых было лишь семь. То есть, избавиться от бизнеса в этой сфере зачистка не помогла.

Отдельная проблема — советы-«фениксы», которые спустя какое-то время возрождаются примерно в том же составе. С этим, по мнению эксперта, ВАК тоже борется плохо. Одна из причин чисто бюрократическая — формально же совет не тот же самый. При этом доказать, что его члены принимали липовые диссертации, практически невозможно, потому что во многих случаях просто истек срок давности.

Чтобы заинтересованные вузы перестали пропихивать в ВАК и экспертные советы «своих», нужно изменить принцип их формирования, считает биомеханик, доктор физико-математических наук, член диссертационного совета МГУ Андрей Цатурян, «Не должно начальство университетов само выдвигать кандидатов. Это задача научного сообщества. Ведь на самом деле никто сам не придет к директору и не скажет: отправьте меня в ВАК», — считает он.

Разгонять диссертационные «фабрики» сегодня можно только за прошлые грехи, потому что сейчас все они занимаются рерайтом, считает Гельфанд. «В последние годы totally списанных диссертаций, которые можно ловить, мало. В 2016—2018 годах их почти что нет. Поэтому ловить их надо за ту деятельность, за которую они не ждут. В этом смысле вопрос срока давности, вопрос учета диссертационной репутации даже когда этот срок истек и формально степень отобрать нельзя, ключевой. Все мы знаем: как только появляется новый критерий, все жулики к нему приспособливаются. Но они не могут приспособиться задним числом. И поэтому, к сожалению, единственный способ для нас, это сказать, что единожды жулик — всегда

жулик. И человек, который систематически был научным руководителем на списанных диссертациях, должен быть дисквалифицирован из системы аттестации навсегда», — отметил он.

Но есть и другая проблема. По мнению Гельфанда, сегодня мало кто хочет заниматься неприятным, а иногда и эмоционально тяжелым делом: проверять, что люди не врут. «Вот есть несчастная тетка, которая преподает на кафедре. Диссертация эта ей совсем не нужна, кроме того, что ей так велели — чтобы улучшить показатели кафедры. У нее такая нагрузка, что у нее времени никогда в жизни не было, чтобы эту диссертацию написать честно. И она молодец, сама списывала, а не покупала у своих аспирантов, потому что денег у нее нет. А ты сидишь и у нее отбираешь степень со всеми этими надбавками и показателями кафедры. Никто не хочет этим заниматься, потому что в экспертные советы ВАК и нет очереди из приличных ученых», — считает Гельфанд.

Анна Семенец

Эксклюзивные новости и статьи читайте на нашем Telegram-канале «Источники Росбалта» (<https://t-do.ru/Rosbaltcrime>).